

Е.Л. Рудницкая

DOI: 10.25693/ SVGV.2021.34.1.008

УДК 811.512.212'367.6

Отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин* в эвенкийском языке с типологической точки зрения

В статье рассматривается отрицательная экзистенциальная конструкция с *āчин*: сфера употребления этой конструкции в устных рассказах и письменных текстах XXI в.

Цель статьи – выявление типологических особенностей эвенкийской экзистенциальной конструкции с *āчин*.

Используются корпус устных рассказов начала XXI в. и корпус газетных текстов. Для сопоставления используются данные из грамматик, опубликованных в XX в. Анализируются грамматические характеристики конструкции: возможность отнесения *āчин* к какой-либо части речи, возможность присоединения к *āчин* различных грамматических показателей, падежные характеристики имени, обозначающего отсутствующий объект и др. При этом конструкция с *āчин* проверяется на характерные типологические признаки отрицательной экзистенциальной конструкции, выработанные Л. Веселиновой.

Конструкция с *āчин* обладает основными признаками отрицательной экзистенциальной конструкции на основании данных типологии: эта конструкция в первую очередь отрицает существование объекта или обладание субъектом некоторого объекта. *Ачин* в этой конструкции обнаруживает обязательное согласование по числу с именем-отсутствующим объектом и не может присоединять показатели времени, что является типичным для отрицательной экзистенциальной конструкции. В письменной речи *āчин* демонстрирует свойства существительного (присоединение падежных и посессивных показателей), а в устной речи скорее является прилагательным. Имя, обозначающее отсутствующий объект, может стоять в партитивном падеже (чаще в каритивной конструкции – адъективной или адвербиальной). Типологической особенностью эвенкийской конструкции является возможность каритивного употребления, а также партитивный падеж, присваиваемый имени, обозначающему несуществующий объект. В исследованиях по эвенкийскому языку систематическое изучение конструкции с *āчин* на соответствие типологическим стандартам не проводилось, а также не был включен в изучение материал текстов XXI в.

Ключевые слова: экзистенциальное отрицание, эвенкийский язык, типология, сфера употребления, часть речи, каритивное употребление, субъектно-предикатные отношения, управление

Введение. Конструкции с экзистенциальным отрицанием (negative existentials) во многих языках строятся по иной модели, чем конструкции с глагольным отрицанием (тип В по классификации [Croft, 1991]). Л. Веселинова [Veselinova, 2013] исследует значительную типологическую выборку языков (более 60 языков) и отмечает, что специальные отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются не только в германских (английский) и славянских языках, но и в самых разных языках в разных местах земного шара: помимо финно-угорских, тюркских, тунгусских, енисейских языков, в афро-азиатских, палеоазиатских языках, языках банту, дравидийских, чадских, ав-

страллийских языках, языках коренных народов Северной Америки. Л. Веселинова перечисляет важные признаки, характерные для отрицательных экзистенциальных конструкций: общая семантическая структура ситуации (не такая, как в случае отрицания события), частое совпадение чисто экзистенциального и посессивного употребления конструкции, а также возможность локативного употребления [Bentley et al., 2003], трудность однозначного отнесения отрицательного слова к именной или глагольной категории, неопределенность объекта, отсутствие которого утверждается, и др.

Эвенкийская конструкция с *āчин* обладает многими признаками экзистенциального отри-

NEG.EX-PL статья-NFUT-3PL дикий.
олень-PL=FOC туда
učasko-l-dū-wun
участок-PL-DAT-PS.1PL(EXCL)
‘Уже сейчас не стало диких оленей-то на
наших участках’

д. по **ačin** o-d'a-raki-n bi ə-čə-w
но NEG.EX статья-IPFV-CVB.COND-
PS.3SG 1SG NEG-PST-1SG
tadū tētē-dū **bi-d'ə-rə-Ø**
там Тетя-DAT быть-IPFV-NFUT-3PL
‘Но когда она умерла, я не была там, в Те-
тее’

Последний пример (1д) показывает еще одно широко представленное в эвенкийском употреблении *āчин* (‘умереть’), которое может быть у отрицательных экзистенциальных конструкций (согласно Л. Веселиновой, только в дравидийском языке каннада)¹. Этот пример, как и (1в-г), показывают, что *āчин* в предикативной позиции употребляется с вспомогательными глаголами *bi-* ‘быть’, *o-* ‘стать’; ср. также (2а). Оформление вспомогательными глаголами говорит о неспособности *āчин* присоединять показатели времени; это (вместе с числовым согласованием в (1б), (1г), (10)) в эвенкийском характерно для прилагательных. В примере (2а) показано еще одно частное употребление: *āчин* в устных текстах используется при указании на возраст в случае, когда субъект не достиг какого-то возраста. При «стандартном» указании на возраст используется глагол *bi-* ‘быть’ (2б), наряду с более архаичной атрибутивной конструкцией (2в) (и (9)).

(2) а. tunja anjañ-w min-ŋi-w **ačin** bi-sō-n
пять год-PS.1SG 1SG-PROPR-PS.1SG
NEG.EX быть-PST-3SG
‘Пяти лет мне не было’

б. diyind'ar anjanī-l-wi **bi-rkə**
сорок год-PL-PS.1SG быть-НАВПРОБ
‘Сорок лет мне было, наверное’

в. nadand'ar hələkə-ši anjañ-ši nujan
семьдесят остаток-ATR год-ATR 3SG
‘Семьдесят с лишним лет ей’

В примерах (3а-б) показаны адъективные каритивные употребления, а в примерах (4а-д) – адвербиальные каритивные употребления. Эти употребления объединяет семантика каритивности, которая может выражаться отрицательной экзистенциальной конструкцией далеко не во всех языках из выборки Л. Веселиновой (в шести языках из более чем 60-и, например, в австронезийских языках, языках Южной Америки и Новой Гвинеи). Адъективные употребления характерны и для корпуса устных рассказов, и для письменных текстов, хотя атрибутивные конструкции типа (3а) и там, и там очень редки – в основном *oro-p-ə āчин* ‘безоленный’ и *хутэ-е āчин* ‘бездетный’².

(3) а. əg=kə [oron-ə **ačin**] əwəŋki ə-to-n
этот-FOC олень-PART NEG эвенк
не.статья-FUTCNT-3SG
utōlə-pti əmtu in-ə
прежде-ATR.TEMP <неясная.форма>
жить-PTCP.NEG
‘Ведь безоленный эвенк не мог раньше
жить’

б. бй [хутэ-е **āчин**] би-де-м⁴
1SG ребенок-PART NEG.EX быть-
FUTCNT-1SG
‘Я остаюсь бездетным’

Адвербиальные употребления встречаются и в газетных текстах, и в устных рассказах. В текстах газет *āчин* в подобных употреблениях присоединяет падежные и притяжательные показа-

¹В этом материале данное значение *āчин* встречается только в корпусе устных рассказов.

²В устных рассказах также встречаются другие номинализованные прилагательные на *āчин*:

(i) [kutu-jə **asin-dū**] ə-fkī-l baldi-rə
удача-PART NEG.EX-DAT NEG-PTCP.НАВ-PL вырасти-PTCP.NEG
‘У несчастливого [ребенка] не растут [олени]’

³Как уже говорилось ранее, кириллической нормализованной записью здесь и далее записываются тексты из газет и переводные тексты. Данное предложение – из перевода на эвенкийский «Библии для детей», а в основном мы приводим предложения из газет.

⁴Как уже говорилось ранее, кириллической нормализованной записью здесь и далее записываются тексты из газет и переводные тексты. Данное предложение – из перевода на эвенкийский «Библии для детей», а в основном мы приводим предложения из газет.

тели, то есть имеет грамматические свойства существительных (4а-б). В устных рассказах *āчин* выступает без всяких грамматических показателей (не считая обязательного для прилагательного согласовательного показателя *-//r PL*), см. (4в-г) и (6а-б) ниже.

(4) а. Гун-де-м, пельмени-л мун-ду
говорить-FUTCNT-1SG пельмени-PL
1SG.OBL-DAT

[сунюри[н] имуксэ ачин-ди=да...]
свинья жир NEG.EX-INST=FOC
'Говорю, для меня пельмени и без свиного
жира ...'

[со своим жиром вкусные]

б. [Эвэнки-л ачи-р-ду-тын], [ачи-р-ду-тын
оро-р],

эвенк-PL NEG.EX-PL-DAT-PS.3PL NEG.
EX-PL-DAT-PS.3PL олень-PL

экспедиция-л э-мчэ-л тарба-вэ хава-вэ
о-ра

экспедиция-PL NEG-COND-PL столько-
ACC работа-ACC статья-PTCP.NEG

'Без эвенков, без оленей экспедиция не
могла бы сделать столько работы'

в. [hawa-jə asin] ə-dəŋə bodo-ro
работа-PART NEG.EX NEG-PTCP.POST
существовать-PTCP.NEG

'Без работы не могла существовать'

г. ēkun=da bulta-ja-n əduk [kəŋə-ja asin]
что=FOC добыча-PART-PS.3SG отсюда
мучение-PART NEG.EX

ətən ətə-Ø-ndə bokon-o
не.статья.SLIP не.статья-NFUT-2SG
догнать-PTCP.NEG

'Никакую добычу с этих пор без муче-
ний не сможешь догнать'

В данном пункте было показано, в каких контекстах в эвенкийском языке употребляется конструкция с *āчин*. Это, во-первых, выделяемые Л. Веселиновой основные контексты, характерные для отрицательной экзистенциальной конструкции среди языков ее выборки: отрицание существования, наличия и отрицание принадлежности (и, возможно, также с типологической точки зрения менее распространенный контекст отрицания локализации (см. сноску 3)). Кроме того, в устных рассказах зафиксированы другие употребления, напрямую не связанные с суще-

ствованием, принадлежностью или локализацией. Это значение чьей-либо смерти (1д) – оно крайне частотно в устных рассказах – и указание на возраст, такое, что приведен возрастной барьер, которого кто-то не достиг (2а).

Использование отрицательной экзистенциальной конструкции для указания на смерть не уникально с типологической точки зрения, а значение указания на возраст Л. Веселинова не упоминает – значит, такое значение типологически редко или уникально. Что касается адъективного и адвербиального употребления отрицательной экзистенциальной конструкции, то Л. Веселинова оценивает его как не очень типологически распространенное (см. выше). Однако, как кажется, Л. Веселинова стремилась рассмотреть максимальное количество языков из разных языковых групп, чтобы доказать, что можно выделить универсальные признаки отрицательной экзистенциальной конструкции, которые позволяют считать ее в такой же степени значимой для типологии, как, например, посессивную конструкцию. Поэтому многие уральские и алтайские языки, в которых есть данная конструкция, не попали в ее выборку (например, ненецкий язык (уральский) или корейский язык (алтайский)). Так, в корейском языке отрицательная экзистенциальная конструкция употребляется и адъективно, и адвербиально [Martin, 1992: 480–482]. Так что эти употребления можно считать достаточно распространенными, по крайней мере в уральских и алтайских языках.

Грамматические характеристики конструкции с *āчин*

Согласно работе Г.М. Василевич, [Василевич, 1940: 43], *āчин* относится к «недифференцированным основам», или не до конца категориально определенным основам: такие основы обладают свойствами существительного и прилагательного или существительного и глагола. О.А. Константинова и И.В. Недялков [Nedjalkov, 1994] считают *āчин* именем, Б.В. Болдырев – существительным или суффиксальной частицей, образующей прилагательные [Болдырев, 2000: 49; 2007: 53], а И.В. Недялков не относит *āчин* к какой-либо части речи, помещая *āчин* в раздел «Отрицание» (Negation) [Nedjalkov, 1997]. Такая неопределенность характерна для отрицательной экзистенциальной конструкции как типологической сущности.

Āчин обладает свойствами имени (может присоединять посессивные аффиксы и падежные аффиксы *-di* ‘INST’ и *-dū* ‘DAT’ в функции обстоятельства, ср. (4а-б)). В сентенциальном употреблении *āчин* обязательно согласуется с отрицаемым именем в роде: ср. (1а-б) в п. 1. Это говорит о предикативном характере отношений между *āчин* и именем, обозначающим отсутствующий объект: имя – субъект, а *āчин* – согласующийся предикат (прилагательное).

В найденных нами примерах из устных рассказов *āчин* в каритивной функции, как правило, не присоединяет падежных показателей (примеры (3а-б), (4в-г)), а в письменных текстах присоединяет показатели DAT или INST, (примеры (4а-б)). В работе [Nedjalkov, 1994: 29] приводятся примеры присоединения *āчин* не только инструментального и дательного, но и аккузатива и аллатива (направительного падежа), ср. (5а-б)¹. Грамматика И.В. Недеялкова, материал для которой собран в конце 1980-х гг., основана на работе с информантами, а не на материале корпусов, что дает возможность выявить менее употребительные, но все же возможные в языке конструкции.

(5) а. *bi mede-che-v purta āchin-ma-n.*
I feel-Past-1Sg knife-Neg-Acc-3SgPersPoss
‘I realized I had no knife’

б. *bu nulgi-che-vun moti-l āchi-r-tik’i-tin.*
we wander-Past-1Pl elk-Pl Neg-Pl-Dir-3PlPersPoss
‘We wandered to the place where there were no elks’

В нашем материале в устной речи чаще, чем в письменной, встречаются адъективно-атрибутивные каритивные конструкции с *āчин*, которые относятся к имени (типа (3а)), и адъективно-предикативные конструкции (типа (3б)). В этих конструкциях, однако, *āчин* согласуется не с тем именем, которое обозначает отсутствующий объект (*мудан-а* [SG] в (6а)), а с тем именем *дуннэ-ңи-л-дү-вун* [PL], которое определяется всем сочетанием [*мудан-а āчи-р-ду*], или с подлежащим (6б).

(6) а. [*мудан-а āчи-р-ду*] *дуннэ-ңи-л-дү-вун...* [Колесникова, 1966: 155]

предел-PART NEG.EX-PL-DAT земля-INDPS-PL-DAT-PS.1PL

‘На наших беспредельных угодьях...’
(очень много всякого зверья)

б. *Nuḡa-r-tin* [hutə-ja *asi-r*] *bi-šō-tin* [oral story]

3PL-PL-PS.3PL ребенок-PART NEG.EX-PL быть-PST-3PL

‘У них не было детей’ (букв. ‘Они были бездетные’)

Все эти данные говорят о том, что в современной устной речи *āчин* в первую очередь идентифицируется как прилагательное. Для эвенкийских прилагательных характерно согласование с определяемым словом в числе и падеже, как в (6а): падежное согласование наблюдается в конструкции с *āчин* только в литературном языке. В адвербиальном употреблении в письменной речи, более приближенной к литературному языку, *āчин* употребляется как существительное (примеры (4а-б)), а в устной речи мы встречаем адъективную конструкцию (пример (4в-г)), идентичную (3а-б).

Если оценивать конструкцию с *āчин* с точки зрения Л. Веселиновой, надо учесть два параметра: возможность присоединения показателей времени и наличие/отсутствие «положительно-го» коррелята. В выборке Л. Веселиновой одна треть языков, как и эвенкийский, не допускает показателей времени (то есть не относится к категории собственно глагола). Среди уральских и алтайских языков «именные/адъективные» отрицательные экзистенциальные конструкции встречаются довольно редко – см. [Wagner-Nagy, 2011: 176–181]. Если в ненецком и нганасанском (уральские) или в турецком и корейском (алтайские) языках слово, обозначающее экзистенциальное отрицание, имеет глагольные свойства (см. (7а-б) для корейского с глаголом *eps-* ‘не_быть’), то в мансийском (8а-б) и эвенкийском языке (примеры (1в), (3б)) показатели времени присоединяются к вспомогательному глаголу *bi-* ‘быть’).

(7) а. *wuyu-ka eps-Ø-ta²* [Google Translate]
молоко-NOM NEG.EX-PRS-DECL
‘Молока нет’

¹Примеры даются в транскрипции и с глоссированием И.В. Недеялкова.

²В (7а-б) используется йельская транслитерация, созданная для корейского лингвистом S.E. Martin.

б. wuyu-ka   **eps-ess-ta**
молоко-NOM   NEG.EX-PST-DECL
'Молока не было'

(8) а. st'epan   oojka   tot   **aat'im   ool-ə-s**
Styepan   uncle   there   NEG.EX be-Ep-
PST.3SG
'Uncle Styepan was not there' [Wagner-
Nagy, 2011: 204]

б. am   tot   **at'im-u-m   ool-s-u-m**
I   there   NEG.EX-Ep-1SG be-PST-Ep-1SG
'I was not there' [Wagner-Nagy, 2011: 204]

В языках с отрицательной экзистенциальной конструкцией часто бывает слово, обозначающее существование и отличное от вспомогательного глагола-связки. Ср. русские *есть* и *нет*, турецкие *var-* и *yok-*, корейские *iss-* и *eps-* с аналогичными значениями. В этом плане эвенкийский язык относится к «ассиметричному меньшинству»: у *āчин* нет положительного коррелята, и вместо него используется связка *bi-* 'быть', ср. (9):

(9) ...tadū **bi-rə-n**   amūt [gitlɛr hinda-kis'i-n...]
gərbī-s'ɪ

...там   быть-NFUT-3SG   озеро   Гитлер
удочка-NMLZ.LOC-PS.3SG   имя-ATR
'...там есть озеро под названием «Гитлеровское место для ловли»'

Внутренняя структура конструкции с *āчин*

Г. М. Василевич [Василевич, 1940: 43] отмечает, что *āчин* имеет глагольные свойства, поскольку *āчин* может управлять именем в партитивном¹ (а не номинативном) падеже, и что это происходит, когда *āчин* используется в адъективной функции (примеры (3а-б), (4в-г), (i) в сноске 5). В нашем материале имя-отсутствующий объект стоит в партитивном падеже также в адъективной конструкции (3а-б) и в идентичной ей адвербиальной (4в-г), а в газетных текстах, в посессивной конструкции (4а-б) показатель партитива не употребляется: это именная конструкция. В сентенциальном употреблении партитивный объект также иногда встречается в устных рассказах (1а). Б.В. Болдырев [Болдырев, 2007: 185] предлагает считать, что парти-

тивное имя – дополнение *āчин* (ср. [Kiparsky, 2001: 348] для эстонского языка). Такой анализ подходит для адъективного употребления типа (3а-б) и (4в-г).

Партитивный падеж в сентенциальной конструкции с *āчин* не коррелирует с неопределенностью отсутствующего объекта: в (1а) отсутствующее партитивное имя *d'u-l-ə* 'чумы-PART' может интерпретироваться и как определенное, и как неопределенное. В (1б) номинативное имя *hulakī-l* 'лисы' скорее всего интерпретируется как неопределенное. В (10) *ud'a-l-tin* 'след-PL-PS.3PL' «следы» интерпретируются как неопределенное имя.

(10) nuɟa-r-ŋi-tin ud'a-l-tin **ači-r**
3SG-PL-PROPR-PS.3PL   след-PL-PS.3PL
NEG.EX-PL
'Следов их нет'

Типологические данные свидетельствуют о том, что имя, обозначающее отсутствующий объект – не прямое дополнение, а подлежащее. Ср. корейский глагол *eps-ta* 'не быть' (примеры (7а-б)), а также примеры из мансийского (8а-б). В остальных языках, о которых пишут Л. Веселинова и В. Wagner-Nagy, субъект, существование которого отрицается, также стоит в именительном падеже. Поскольку адъективная конструкция – не полное предложение, а оборот типа 'без чего-то', этот оборот «N(-PART) *āчин*» можно более формально представить как редуцированное предложение, в котором имя N – субъект, а *āчин* – предикат: 'N (имя) [субъект] ⊃ ∃ (не существует) [предикат]', а глагол-связка *bi-* в каритивном сочетании не употребляется. В такой конструкции ни *āчин*, ни N не управляют друг другом, это просто субъект и предикат без глагольного грамматического оформления.

Партитивный объект употребляется в основном именно в адъективных сочетаниях. Механизм присвоения партитивного падежа в предложениях с *āчин* довольно сложный – этот падеж присваивается не самим словом *āчин*, а скорее отрицательным оператором, «⊃ ∃» который содержится в значении *āчин* и в обороте с *āчин*, и который можно отдельно представить в спе-

¹О.А. Константинова считает (-j)A показателем совокупности, но большинство исследователей – партитивным (винительным неопределенным) падежом.

циальном формальном представлении генеративной грамматики¹.

Номинативный падеж у имени в синтаксических и каритивных адвербиальных (посесивных) примерах ((1б-г), (2а), (10), (4а-б)) – типологически немаркированная конструкция с *āчин*.

Обсуждение и заключение. Анализ эвенкийского материала и сравнение его с выделенным на основании типологических данных показали, что *āчин* обладает достаточным числом признаков, характерных для отрицательных экзистенциальных слов с типологической точки зрения. *Ачин* употребляется в основных значениях, характерных для отрицательной экзистенциальной конструкции: отрицание существования объекта, отрицание обладания, отрицание местонахождения. Кроме этого, *āчин* употребляется в нескольких неядерных значениях, например, ‘умереть’ или ‘немного не достигнуть определенного возраста’. Последнее также типологически допустимо.

В грамматическом отношении у *āчин* есть достаточно характерный признак отрицательного экзистенциального слова: невозможность присоединять временные глагольные показатели. Хотя у *āчин* нет положительного эквивалента (отдельного слова со значением ‘быть, иметь, находиться’), эти функции выполняет общий глагол *bi-* ‘быть’, который употребляется и как вспомогательный, и как экзистенциальный.

Важное свойство *āчин*, характерное для отрицательных экзистенциальных слов в типологическом плане – категориальная недоопределенность. Как мы видели, *āчин* выступает как прилагательное и как существительное в разных контекстах. В синтаксическом и адъективном употреблении это прилагательное, а в адвербиальном – существительное. Такая недоопределенность в эвенкийском языке – обычное явление: большое число основ могут в морфологическом отношении быть и прилагательными, и существительными [Василевич, 1940: 42–43]. При сравнении устного и письменного эвенкийского, мы видим, что в устном языке

адъективная модель распространяется не только на адъективные, но и на адвербиальные употребления: возникает (в терминах работы [Ландер, 2008]) некатегориальное подчинение.

Довольно редкая черта отрицательной экзистенциальной конструкции в эвенкийском – то, что эта же конструкция используется в функции каритивной. Это архаическая черта эвенкийского языка, утраченная во многих уральских и алтайских языках. Важное отличие эвенкийской отрицательной экзистенциальной конструкции от типологического «стандарта» – партитивный падеж имени, обозначающего отсутствующий объект, в адъективном употреблении. Это типологическая особенность эвенкийского языка, которая сохраняется и в языке XXI века.

Условные сокращения:

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ACC – аккузатив, ABL – аблатив, ALL (Dir) – аллатив, ANT – (причастие) предшествования, ATR – атрибутив, COND – условное (наклонение, деепричастие), CVB – конверб (деепричастие), DAT – датив, DECL – изъявительное наклонение, DISTR – дистрибутив, EP – эпиптетический гласный, EX – экзистенциальный, EXCL – эксклюзивное (множественное число), FOC – энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, FUTCNT – непосредственно будущее (время), HAB – хабитуальное (причастие), HABPROB – пробабилитив, INDPS – косвенная принадлежность, INST – инструменталис, IPFV – имперфектив, LOCALL – локатив-аллатив, NFUT – небудущее (время), NMLZ.LOC – показатель номинализации, образующий имя со значением места действия, NOM – номинатив, OBL – косвенная (основа), PART – партитив, PL (Pl) – множественное число, POST – причастие возможности, PROL – пролатив, PROPR – косвенный посесор, PRS – настоящее (время), PS (PersPoss) – посесивный (аффикс), PST (Past) – прошедшее (время), PTCP – причастие, SG (Sg) – единственное число, SLIP – оговорка.

¹Ср. [Harves, 2013]: в этой работе рассматривается такой анализ, при котором генитив подлежащему в примерах типа *Мальчиков на пляже не было, Дождя не было* присваивается не связкой *было*, а специальным отрицательным оператором. Мы опускаем все детали формального представления конструкции для простоты изложения.

Список литературы:

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка [Под ред. В.А. Роббек]. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.

Василевич Г. М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Госучпедгиз, 1940. 195 с.

Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Наука, 1966. 247 с.

Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964. 272 с.

Ландер Ю. А. Причастные конструкции или некатегориальное подчинение? // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка [Под ред. М. Е. Алексеева, Т. А. Майсака]. М.: Academia, 2008. С. 54–95.

Bentley D., Ciconte F. M., Cruschina S. Existential constructions in crosslinguistic perspective. *Rivista di Linguistica*. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 1-13.

Croft W. The Evolution of Negation. *Journal of Linguistics*. 1991. Volume 27. Pp. 1–39.

Harves S. The genitive of negation in Russian. *The linguistics compass*. 2013. Volume 7. Issue 12. Pp. 647-662.

Kiparsky P. Structural Case in Finnish. *Lingua*. 2001. Volume 11. Issues 4-7. Pp. 315-373.

Martin S.E. A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language. Rutland-Tokyo: Charles E. Tartles, 1992. 1032 p.

Nedjalkov I. Evenki. *Typological studies in negation*. Edited by P. Kahren, R. van der Berg. Philadelphia-Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 1-34.

Nedjalkov I. Evenki. London-New York: Routledge, 1997. 366 p.

Veselinova L. Negative existentials: a cross-linguistic study. *Rivista di Linguistica*. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 107-145.

Wagner-Nagy B. On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. *Societe Finno-Ougrienne*. Helsinki, 2011. 336 p.

Словари:

Болдырев Б. В. Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1. 503 с.; Ч. 2. 484 с.

References:

Bentli D., Chikonte F. M., Krushina S. *Jekzistencial'nye konstrukcii v krosslingvisticheskoj perspektive*. *Rivista di Linguistica* [Existential construc-

tions in crosslinguistic perspective. *Rivista di Linguistica*]. 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 1-13. (In English)

Boldyrev B.V. *Jevenkijsko-russkij slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., branch "Geo", 2000. Part 1. 503 p.; Part 2. 484 p. (In Russian)

Boldyrev B.V. *Morfologija jevenkijskogo jazyka*. *Pod red. V.A. Robbek* [Morphology of the Evenk language. Edited by V.A. Robbeck]. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 932 p. (In Russian)

Harves S. *Roditel'nyj padezh otricanija v russkom jazyke*. *Kompas lingvistiki* [The genitive of negation in Russian. The linguistics compass]. 2013. Volume 7. Issue 12. Pp. 647-662. (In English)

Kiparskij P. *Strukturnyj korpus na finskom jazyke*. *Lingua* [Structural Case in Finnish. *Lingua*]. 2001. Volume 11. Issues 4-7. Pp. 315-373. (In English)

Kolesnikova V. D. *Sintaksis jevenkijskogo jazyka* [Syntax of the Evenk language]. Moscow: Science Publ., 1966. 247 p. (In Russian)

Konstantinova O.A. *Jevenkijskij jazyk. Fonetika. Morfologija* [Evenk language. Phonetics. Morphology]. Moscow: Science Publ., 1964. 272 p. (In Russian)

Kroft V. *Jevoljucija otricanija*. *Zhurnal lingvistiki* [The Evolution of Negation. *Journal of Linguistics*]. 1991. Volume 27. Pp. 1–39. (In English)

Lander Ju.A. Prichastnye konstrukcii ili nekatgorial'noe podchinenie? [Participial constructs or non-categorical subordination?]. *Udinskij sbornik: grammatika, leksika, istorija jazyka*. *Pod red. M. E. Alekseeva, T. A. Majsaka* [Udi collection: grammar, vocabulary, history of the language. Edited by M.E. Alekseev, T.A. Maysak]. Moscow: Academia, 2008. Pp. 54–95. (In Russian)

Martin S.Je. *Spravochnaja grammatika korejskogo jazyka*. *Polnoe rukovodstvo po grammatike i istorii korejskogo jazyka* [A reference grammar of Korean. A complete guide to the grammar and history of the Korean language]. Tokyo and Rutland: Charles E. Tartles, 1992. 1032 p. (In English)

Nedjalkov I. *Jevenki* [Evenki]. London-New York: Routledge, 1997. 366 p.

Nedjalkov I. *Jevenki. Tipologicheskie issledovanija v otricanii*. *Pod redakciej P. Karena, R. van der Berga* [Evenki. Typological Studies in Negation. Edited by P. Kahren, R. van der Berg]. Philadelphia-Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 1-34. (In English)

Vagner-Nad' B. *O tipologii otricanija v obsko-ugorskih i samodijskih jazykah*. *Societe Finno-Ougrienne* [On the Typology of Negation in Ob-Ugric and Samoyedic Languages. *Societe Finno-Ougrienne*]. Helsinki, 2011. 336 p. (In English)

Vasilevich G.M. *Oчерк грамматики jevenkijskogo (tungusskogo) jazyka* [An outline of the grammar of the

Evenk (Tungus) language]. Leningrad: State educational and pedagogical Publ., 1940. 195 p. (In Russian)

Veselinova L. *Negativnye jekzistencialy: kross-lingvisticheskoe issledovanie. Rivista di Linguistica*

[Negative existentials: a cross-linguistic study. *Rivista di Linguistica*] . 2013. Volume 25. Issue 1. Pp. 107-145.

(In English)

E.L. Rudnitskaya

Negative Existential Construction with āchin in the Evenk Language from a Typological Point of View

The article examines the negative existential construction with āchin, the scope of this construction in oral stories and written texts of the XXI century.

The aim of the article is to identify the typological features of the Evenk existential construction with āchin. The corpus of oral stories of the early XXI century is used and a corpus of newspaper texts. The data from grammars published in the XX century are used for comparison. The grammatical characteristics of the construction are analyzed: the possibility of attributing āchin to any part of speech, the possibility of attaching various grammatical indicators to āchin, case characteristics of a name denoting an absent object, etc. At the same time, the construction with āchin is checked for the characteristic typological signs of a negative existential construction developed by L. Veselinova.

The construction with āchin has the main features of a negative existential construction based on the typology data: this construction primarily denies the existence of an object or the possession of the subject of some object. Āchin in this construction reveals the obligatory agreement by number with the name-absent object and cannot add time indicators, which is typical for a negative existential construction. In written speech, āchin demonstrates the properties of a noun (the addition of case and possessive indicators), but in oral speech it is rather an adjective. The name denoting an absent object can be in the partitive case (more often in a caritive construction - adjective or adverbial). A typological feature of the Evenk construction is the possibility of caritivistic use, as well as the partitive case assigned to a name denoting a nonexistent object. In studies of the Evenk language, a systematic study of the construction from āchin for compliance with typological standards has not been carried out, and the texts of the XXI century have not been studied in detail.

Keywords: existential negation, Evenk language, typology, sphere of use, part of speech, caritive use, subject-predicate relations, management